

УДК 930

И. А. Гладких,факультет истории, философии и права,
Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д-р ист. наук, проф. М. К. Чуркин

Феномен вигилантизма в научном дискурсе как инструмент исторических исследований

Аннотация. Статья представляет теоретический анализ феномена вигилантизма: сопоставляются «корневое» определение и параметризация Э. Монкады, критерии Л. Джонстона, специфика цифрового вигилантизма как *weaponized visibility* у Д. Троттjera и российский контекст (товарищеские суды, медийные кейсы). Предлагаемая операционализация признаков задумана как инструментарий для последующих исторических исследований и кейс-анализа.

Ключевые слова: определение, сравнительный анализ, вигилантизм, внеправовое насилие, цифровой вигилантизм, *weaponized visibility*, *naming&shaming*, товарищеские суды, общественный контроль.

Термин *vigilante* укореняется в США XIX в., но систематическое междисциплинарное изучение активизируется с 1990-х гг. и усиливается с развитием социальных сетей и мобильных устройств, породивших новые формы «народного правосудия» с офлайн-последствиями [4; 6].

Э. Монкада в обзоре подчеркивает, что под «вигилантизмом» нередко подводятся несхожие практики, что размывает понятие и мешает сравнительному анализу. На примере Южной Африки он показывает, что при сходстве методов (вплоть до крайнего насилия) менялись субъекты, мотивация и объекты воздействия, что требует параметризации явления [4]. В ранее публиковавшихся работах встречаются, в частности, такие трактовки: «групповые действия, заменяющие обычное правосудие»; «насилие, направленное против конкурирующих групп»; «спланированное уголовно наказуемое деяние частных лиц в ответ на преступление». Монкада считает эти определения чрезмерно широкими и не выделяющими отличительные признаки вигилантизма.

Э. Монкада предлагает «корневое» определение: коллективное применение внеправового насилия (или угрозы его применения) в ответ на предполагаемое преступное деяние. Для операционализации выделяются пять параметров: организация, объект, репертуар, оправдание, мотивация. Комбинации этих параметров объясняют вариативность практик: от стихийных групп до устойчивых объединений и от линча до «мягких» форм принуждения [4].

Монкада намеренно исключает отношение к государству из ядра определения (содействие/

нейтралитет/противодействие), чтобы не смешивать вигилантизм с иными формами коллективного насилия; этот аспект исследуется отдельно [4]. При этом «ядро» понятия позволяет отдельно анализировать взаимодействие вигилантов и государства в разных политических контекстах.

Чтобы отграничить смежные явления, Л. Джонстон формулирует шесть критериев: 1) планируемость и организованность; 2) добровольность участия частных лиц; 3) акт «автономной гражданственности»; 4) использование насилия/угрозы; 5) реакция на реальное/предполагаемое/«вмененное» нарушение институционализированных норм; 6) публичный сигнал о сохранении порядка [3].

Сопоставление «ядра» Монкады и критериев Джонстона помогает отделять вигилантизм от иных форм коллективного насилия (погром, восстание, гражданская война) и операционализировать феномен для эмпирических исследований [3; 4].

Мотивация варьирует от «защиты сообщества» до религиозных/расовых/моральных оснований; вигилантизм может быть центральной целью группы, необходимым, но не достаточным элементом ее деятельности или одной из многих задач. Дополняя это, Монкада выделяет «примат» практики для конкретного объединения: 1) вигилантизм — основная цель и причина объединения; 2) необходимый, но не единственный элемент деятельности; 3) одна из многочисленных задач (например, у преступных группировок контроль «порядка» соседствует с основной деятельностью) [4].

Д. Троттьер трактует цифровой вигилантизм (ЦВ) как скоординированную реакцию граждан в цифровых средах (соцсети, мобильные устройства). Ключевая тактика — *naming&shaming* (в том числе доксинг), т. е. *weaponised visibility*: длительное и принудительное выставление «нарушителя» на публику с дисциплинарными эффектами. Цифровые платформы ускоряют мобилизацию, размывают границы сообществ; культурные (репутационные) санкции дополняют или замещают физическое насилие [5].

В определении Д. Троттьера ЦВ — «процесс, в котором граждане, коллективно оскорбленные действиями других, реагируют посредством скоординированных контрмер в цифровой среде». Триггерами выступают как «малые» нарушения (неправильная парковка, отказ убирать за собакой), так и тяжкие деяния (террористический акт, участие в беспорядках). Центральная техника — *naming&shaming* (в том числе доксинг): публикация персональных данных (адрес, место работы, финансово-медицинская информация), нередко затрагивающая родственников и коллег. Онлайн-кампании порождают офлайн-эффекты, а размытая граница сообществ ускоряет мобилизацию и усложняет атрибуцию ответственности [5].

Р. Габдулхаков сопоставляет современные цифровые практики с советскими товарищескими судами, показывая конфигурации инициатив «с государством», «несмотря на государство» и «против государства», а также роль цифровой публичности как инструмента и среды [1]. На уровне кейсов медиарепрезентации анализируется движение StopXam [2].

Для прикладного анализа целесообразно выделить три базовых признака, отграничивающих вигилантизм:

1) внеправовой характер действий (нарушение позитивного права соответствующей юрисдикции);

2) ущерб правам личности/собственности (насилие/угроза, вред имуществу, репутационные и психологические санкции);

3) отсутствие частной выгоды у участника (исключение личной мести и корысти).

Эти признаки согласуются с «корневым» определением, критериями Джонстона и цифровыми практиками.

Современная концептуализация сводит вигилантизм к внеправовому коллективному принуждению в ответ на воспринимаемое нарушение норм (ядро по Монкаде), уточняемому через критерии Джонстона. В цифровой среде репертуар и темпы мобилизации меняют структуру взаимодействия общества и государства (логика *weaponized visibility*), а российский материал показывает влияние исторических практик «гражданского правосудия». В медиакейсах (например, StopXam) прослеживается динамика общественной поддержки и критики, что позволяет оценивать восприятие вигилантских практик в российской цифровой среде [1; 2].

Представленный теоретический каркас, включая ядро по Е. Монкаде, критерии Джонстона и специфику цифровых практик по Д. Троттьеру, служит основой для дальнейших исторических исследований конкретных эпизодов и инициатив, включая российский материал, такой как крестьянский самосуд в Российской Империи, товарищеские суды СССР, интернет-инициативы StopXam, «ЛевПротив» и др.).

1. *Gabdulhakov R.* Citizen-Led Justice in Post-Communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism // *Surveillance & Society*. — 2018. — No. 3. — P. 314–331.

2. *Gabdulhakov R.* Heroes or Hooligans? Media portrayal of StopXam (Stop a Douchebag) Vigilantes in Russia // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. — 2019. — № 11. — С. 16–45.

3. *Johnston L.* What Is Vigilantism? // *British Journal of Criminology*. — 1996. — No. 2. — P. 220–236.

4. *Moncada E.* Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies // *Global Crime*. — 2017. — No. 4. — P. 403–423.

5. *Trottier D.* Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility // *Philos*. — 2016. — No. 4. — P. 203–223.

6. Vigilantism // Law Library — American Law and Legal Information : [сайт]. — URL: law.jrank.org/pages/11129/Vigilantism.html (дата обращения: 16.10.2025).